

А

Александр Степанович Грин

Рассказы

Собрание сочинений в шести томах

<http://publ.lib.ru>

Вокруг света

I

Последние десять миль, отделявшие торжествующего Жилия от шумного Зурбагана, пешеход прошел так быстро и весело, словно после каждого шага его ожидало несравненное удовольствие. Узнавая покинутые два года назад места, он испытывал восхищение больного, чудом возвращенного к жизни, которому блаженное чувство безопасности показывает домашнюю обстановку в звуках ликующего оркестра.

Костюм Жилия в день его возвращения состоял из серых шерстяных чулок до колен, толстых башмаков с пряжками, кожаных коротких штанов, голубой парусиновой блузы и огромной соломенной шляпы, покособившейся самым причудливым образом. Дыра от пули была единственным его украшением. У пояса, в кожаной кобуре, висел старый друг, семизарядный револьвер, а за плечами -- емкая дорожная сумка.

Жиль твердо постукивал суковатой палкой и свистал так пронзительно, что воробьи вспархивали, увидев его, за сто шагов.

Описав дугу кривой дорогой равнины, отделяющей рабочие предместья Зурбагана от лесистых долин Кассета, Жиль вступил наконец в крикливую улицу Полнолуния. Ранний час дня свежим блеском и относительной для этих широт прохладой придавал уличному движению толковую жизнерадостность. Крупная фигура Жилия, особенная стремительная походка, выработанная долгими странствованиями, густой кофейный загар, подавляющее напряжение лица, вызванное волнением, и бессознательная улыбка, столь сложная и заразная, что заставила бы обернуться мрачнейшего ипохондрика, скоро обратили на путешественника внимание многих прохожих. Жиль взглянул на часы -- было половина девятого. "Ассоль спит, -- решил он. -- Зачем портить восторг встречи смесью сна с действительностью? Я все равно -- дома". Заметив, что порядком устал, Жиль, свернув в аллею просторного бульвара, выбрал кабачок попроще и, сев в еще пустом зале за круглый стеклянный стол, сказал, чтобы подали яичницу с луком, бутылку водки и крепких сигар.

Почти тотчас вслед за ним вошли: меланхолический лавочник, держа руки под фартуком; толстый надутый мальчик, лет десяти, красный от нерешительности и любопытства; девушка мужского сложения, в манишке и стоячем воротнике, с мужской тростью, мужским портфелем и мужскими манерами; испитой субъект с длинными волосами; кургузый подвижной господин, свежий и крепкий; две барышни и несколько молодых людей, безлично-галантерейного типа с тросточками и золотыми цепочками.

Хозяин, смотря поверх очков и прижимая пальцем то место газеты, на котором застигло его такое изумительное в ранний час нашествие посетителей, почесал свободной рукой спину, воспрянул и потряс огромным звонком. Слуги, вбежав, принялись кланяться, стирать пыль, принимать заказы и покрикивать друг на друга.

Тем временем посетители, сев в разных местах зала, открыто уставились на Жилия взглядами театральных зрителей. Заметив это, молодой человек смутился, но скоро сообразил, в чем дело. Газеты, видимо, были извещены о нем, -- вероятно, выклянчили у Ассоль портрет, тиснули его в рамке барабанных статеок, и экспансивные зурбаганцы, с догадкой, что герой -- он, человек воинственно-бродячей наружности, ждали подтверждения этому; ждали, отдадим справедливость, смиренно и уважительно, однако при виде стольких глаз, круглых и немигающих, третий глоток водки застрял в гортани.